

КАМЧАТНОВ А. М.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

В различных списках одного и того же языкового памятника можно обнаружить множество различий в языковых средствах выражения. Эти различия, обусловленные неодинаковыми представлениями писцов о литературно-письменном узусе и проникновением в их язык новообразований и диалектных черт, дают лингвисту богатый материал в области исторической грамматики и лексикологии, а также истории русского литературного языка. Представление о том, что язык памятника отражается не в одном, а во всей совокупности его списков, является выражением более общего принципа, согласно которому язык рассматривается как динамическая, развивающаяся во времени и пространстве система. Что касается более частной области исторической лексикологии и лексикографии, то привлечение нескольких списков к изучению языка памятника дает возможность открывать новые слова и новые значения известных слов, изучать синонимические средства выражения, стилистические функции синонимов, более обоснованно подходить к выделению лексики определенного ареала и т. д.

Предметом нашего изучения стал Изборник Святослава 1073 г. [1] и 16 его списков, находящихся в книгохранилищах СССР. Предварительный текстологический анализ привел к построению типологической классификации списков и выделению представителей редакций и групп списков. Все списки распределились по трем редакциям — полной, краткой и пространной. Списки полной редакции разделились на две группы — Изборник 1073 г. и Тл. (ГПБ, собр. Толстого, Q. I, 208, XV в.) являются представителями первой группы полной редакции; Ег. (ГБЛ, собр. Егорова, ф. 98 № 745, перв. четв. XVII в.) — представитель второй группы полной редакции; Рм. (ГБЛ, собр. Румянцева, ф. 256 № 6, XV в.) — представитель краткой редакции; КБ-1 (ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 5/1082, XV в.) — представитель пространной редакции. Дальнейший, собственно лингвистический анализ проводился на основе этих пяти списков. Прочтение одной первой половины Изборника (которой мы и ограничились исследованием ввиду очень большого объема памятника) по всем пяти спискам обнаружило более трехсот лексических вариаций-синонимов. Для данной работы были отобраны лишь те вариации, которые имеют отношение прежде всего к исторической лексикографии, т. е. могут непосредственно войти в словарь древнерусского языка. По своим конечным лексикографическим результатам все отобранные вариации разделяются на две группы: 1) новые слова (сюда же относятся случаи ранее не известной омонимии); 2) новые значения у ранее известных слов. Лексикографическими точками отсчета, относительно которых определяется «известность — неизвестность» слов и значений, были для нас [2, 3]. Греческие параллели приводим по рукописи Codex coislinianus № 120, хранящейся в Парижской национальной библиотеке и содержащей греческий текст Изборника 1073 г. В ГБЛ имеется копия этой рукописи (Архив О. М. Бодянского, ф. 36, карт. 6, № 5).

1. *Поноженъ*;

Словом *поноженъ* писец КБ-1 заменил страдательное причастие *побъжденъ* из Изборника 1073 г.: *побъжденоу* (*поноженоу* — КБ-1, л. 110) же юмоу ведоути и въ помыслыны грѣхъ (л. 586); греч. ἡττηθέντος; δε αὐτόβ,

ἀγροσιν αὐτὸν εἰς τὴν κατὰ διάνοιαν ἀμαρτίαν. Речь здесь идет о том, что бесы стремятся овладеть душой человека. Когда же он побежден (ἡττηθέντος), то его вводят в духовный грех. Под рукой писца КБ-1 человек не побежден, а *поноженъ*. Это слово в «Материалах» И. И. Срезневского отсутствует, а в Картоотеке ДРС представлено только нашими материалами. Судя по вариации, мы можем заключить, что это слово имело значение «победить, одолеть, овладеть», но это скорее всего вторичное, переносное значение. Вероятнее всего, *поноженъ* образовано от гипотетического *поножити и имело значение «связанный, скованный по ногам». Это слово соотносится с *поножи* «ножные цепи, кандалы, колодки», с *треножить* «связывать, перевязывать путами обе передние ноги с одной задней или только передние ноги (у лошади)» [5, IV, с. 785]. Эти материалы позволяют, на наш взгляд, обосновать предложенные этимологию и значение слова *поноженъ*.

2. Помурисати.

Писец Тл. словом *помурисати* заменил слово *помазати*: помажи (*помурисати* — ТЛ., л. 54) ꙗ покади ꙗ вьложи многа молитвьнаꙗ каждениꙗ (л. 59а-б) (греч. ...μύρισον αὐτὸ, θυμίασον...). Этого слова нет ни в «Материалах» И. И. Срезневского, ни в Картоотеке ДРС. Его словообразовательная структура и значение достаточно прозрачны: образованный от греч. глагольной основы *μύρις* «натирать благовонными мазями», глагол *помурисати* означает «покрыть благовонием».

3. Прѣмѣна.

Это слово из Изборника 1073 г. варьируется дважды. В Рм. оно заменено словом *бремя*, а в Ег. — словом *тяготы*: аплѡу глѡщѡу дроугѡ дроугѡу прѣмѣна (*бремя* — Рм. л. 25; *тяготы* — Ег. л. 50) поносаче и тако исполните законъ Христосовъ (л. 45б) — греч. ...ἀλλήλων τα βάρη βαστάσετε... Как видим, слово *прѣмѣна* употреблено вместо греч. *βάρος* «тяжесть», «груз», «бремя». Легче всего в написании *прѣмѣна* видеть опisku вместо правильного *бремя* (соответствующая поправка была внесена писцом Рм.). Ведь окончание *-а* в форме вин. пад. мн. ч. имеют или существительные ср. р. с основой на согласный, или существительные ср. р. с основой на *-о*. Приведем все же некоторые семантические аргументы в пользу закономерного перевода греч. *βάρος* словом *прѣмѣна*.

В «Материалах» И. И. Срезневского *прѣмѣна* толкуется как «изменение», «переход», «превращение», «мена», «обмен» [2, II, с. 1671]. Ясно, что в нашем случае *прѣмѣна* употреблена в ином значении. Слово *мѣнѣ*, от которого образовано слово *прѣмѣна*, имеет значение «меры» [2, II, с. 242], а *мѣра* имеет значения «мерка, предмет, которым меряют, мера», «размер, мера», «вес» [2, II, с. 242]. Не исключено, что и у слова *мѣнѣ* было значение «вес, груз, употребляемый в качестве меры при обмене», образовавшееся у него по смежности. В этом значении *мѣнѣ* внешне соотносится с современным *безмен* «рычажный или пружинный прибор для определения веса без помощи гири» [5, I, с. 111]. Эта народная этимология, поддерживаемая, впрочем, некоторыми учеными [6, I, с. 22], получает у нас некоторые дополнительные аргументы.

С префиксом высокой степени признака *прѣ-* слово *прѣмѣна* означает «большой груз, тяжесть», а в переносном смысле — «тяготы, бремя». На правильность этого толкования указывают и вариации слова по спискам: *бремя* и *тяготы*. Остается решить вопрос о том, видеть ли в описанном случае полисемию или омонимию. На наш взгляд, здесь скорее можно видеть омонимию слов *прѣмѣна* 1 «изменение» и *прѣмѣна* 2 «большой груз», «тяготы, бремя». Хотя этимологически оба слова восходят к одному корню, их значения слишком разошлись, чтобы считать их значениями одного длова. Что касается флексии *-а* вместо *-ы* в вин. пад. мн. ч., то, может быть, аля писца это было грамматическим средством различения двух омонимов, с может быть, она возникла просто по аналогии со словами типа *бремя*.

4. Пустина.

Это слово из списка КБ-1 заменяет слово *поучина* в Изборнике 1073 г.: крѣмьникоу же весло пороучающе къ боу молимьса·отъ поучины (*пустыны* — КБ-1, л. 189 об) сънабѣдѣтиса (л. 114б); греческий текст отсутствует. Слово *поучина* употреблено здесь в значении «пучина», «глубина», «бездна» [2, II, с. 1741]. Слово *пустина* отсутствует в «Материалах» И. И. Срезневского, а в Картотеке ДРС представлено только нашими материалами. Образованное от прилагательного *поустъ* с помощью суф. *-ина*, слово *пустина* имело, видимо, значение «пустое место», как и однокоренное слово *поустыни*. По отношению к морскому пространству *пустина* стала употребляться в значении «бездна». Если бы это было не так, то едва ли была бы возможна замена *поучины*, имеющей особую этимологию и семантику, словом *пустина*.

5. Оудоробъ.

В Изборнике 1073 ч. читаем: Иже вѣры не имыи· нѣ добро нѣчто твора подобенъ ѣсть иже водоу черешла· и въ оудоробъ оутълоу лѣжъть (л. 33а). И. И. Срезневский в толкующей части словарной статьи при слове *оудоробъ* поставил знак вопроса. Это не удивительно, поскольку уже в XV в. это слово было архаизмом: все четыре списка заменили его на современные им слова. Тл. и КБ-1 заменили его на *делва* и *делвъ* «бочка, кадка» [3, вып. 4, с. 205]; Рм. — на слово *кадь* «сосуд из досок, скрепленных обручем, кадь» [3, вып. 7, с. 13]; Ег. — на слово *сосудъ*. Из этого варьирования видно, что с точки зрения всех писцов слово *оудоробъ* имело значение «бочка, кадка, сосуд».

Слово *оудоробъ* было известно В. И. Далю; он поместил его в словарную статью слова *удороживать*, правда, за двумя чертами: «*Удороба?* ярс. худой, подбитый горшок» [4, IV, с. 474]. Вопросительный знак, очевидно, означает, что Далю была не ясна этимологическая связь между этим словом и прочими словами гнезда: переносными значениями слова *удороживать* были «уходить; замучить, искалечить, убить; (о посуде) разбить» [4, IV, с. 474]. Действительно, *оудоробъ* восходит не к *dorg «дорога» и др., а к *dorb, которое дает белорусск. *дороб* «короб», русск. диалектн. *доробок* «коробка», *доробья* «лукошко с выбитым дном» [7, вып. 5, с. 74]. Вместе с приставкой **o-*, имеющей пространственное, местное значение, праслав. *o-dorbъ означает как бы «вплетенное» [см. 8].

Приведенный восточнославянский и русский диалектный материал позволяет предположить, что уже в XV в. значение слова *оудоробъ* писцам было точно не известно. Возможно, что и в XI в. это слово имело значение «короб, корзина», а его употребление в данном контексте связано с экспрессивностью: лить воду в *оудоробъ оутълоу* (дырявый короб) все равно что носить воду в решете. Однако это предположение неверно, поскольку в греческом списке использовано слово *πίθος*: «сосуд», «бочка»:... τὸ ὄδιον ἀνυλοῦντι, καὶ εἰς πίθον τετραγώνου βάλλοντι. Следовательно, в некоторых диалектах слово *оудоробъ* действительно имело значение «бочка, кадка, сосуд» и было использовано в Изборнике 1073 г. для буквального перевода греческой поговорки *εἰς τὸν τετραγώνον πίθον ἀνυλεῖν* «лить в дырявую бочку».

6. Васнь, збло.

Слова *васнь* в значении «может быть» [2, I, с. 231], «будто» [3, вып. 2, с. 23] и *збло* в значении «сильно, очень, весьма» [3, вып. 5, с. 371] неоднократно употребляются в Изборнике 1073 г. Однако и в Изборнике, и в его списках эти слова употребляются и в иных значениях. Словом *васнь* обычно переводится греческая частица *ἄρα* как в значении «таким образом, итак, следовательно», так и в значении «именно, точно, в самом деле»: Да васнь и тѣми пророчества того не твърдоуе и несъстоящеуса обличають (л. 116в) — греч. *ἄρα καὶ διὰ τοῦτων τὸ περὶ τὴν πρόβησιν ἀπαγές καὶ*

ἀσώστατον διελέγχεται. В Рм. *васнь* заменено наречным сочетанием *въ правдоу*. В других случаях *ἄρα* («точно, в самом деле») в Изборнике 1073 г. переводится наречием *прамь*, которое в других списках заменяется словом *васнь*: Добро ли есть *прамь* (*васнь* — Рм., л. 23) исповѣдовати грѣхы наша дховьнымъ мжжемъ (л. 43); греч. Καλόν ἐστίν ἄρα τὸ ἐξομολογεῖσθαι τὰ ἀμαρτήματα ἡμῶν πνευματικοῖς ἀνδράσιν. Из этого можно заключить, что слово *васнь* имело не только значение «может быть», но и значение «точно, верно, в самом деле».

Слово *збло*, видимо, также имело это же значение: Горьчаишемъ искусишиса томителемъ збло акы своего та пѣговавъшоу прѣжде и горькыи свобаждавъшоу работы (л. 37в); греч. πικροτέρου περιθήσῃ τοῦ τυράννου ἰσως... Слово *ἰσως* среди прочих имело значение «правильно, справедливо». В Рм. в этом месте *збло* заменено на *васнь*, которое, как мы видели, имеет значение «верно, правильно». Отсюда и у *збло* мы должны предположить наличие значения «верно, правильно, справедливо».

7. Законъ.

Слово *законъ* в [3, вып. 5, с. 275] переводится и толкуется как «занавес», «фартук», «препятствие, преграда». В этом словаре в подтверждение третьего значения, которое только нас и интересует, дана цитата из Изборника 1073 г.: Къде соуть звѣздъ тѣхъ закони кже различы житью члкомъ оуставляща (л. 116а-б). В переводе это должно означать: «Где препятствия тех звезд, которые устанавливают различия между судьбами людей». Сомнительно, на наш взгляд, чтобы препятствия или преграды могли определять особенности судьбы человека. Для ясности напомним более широкий контекст, из которого извлечена цитата. Речь идет о статье Григория Нисского из Изборника 1073 г., которая называлась «О сълѣчанъ» («О судьбе») и была полемически направлена против языческих звездочетов, гадалелей и волхвов, считающих, что по положению звезд, под которыми родился человек, можно определить всю его дальнейшую жизнь, что положение звезд, как закон, предопределяет его судьбу. Григорий Нисский приводит против этого совершенно рациональный довод. Если каждый человек рождается под особым положением звезд, то каждый должен и умереть в свое время, однако множество людей с разными судьбами из-за войн или землетрясений «все въ единъ часъ погыбоша вса равню пожже огнь-всѣмъ домове гроби быша». Значит, не положение звезд, а нечто другое определяет судьбу людей. И Григорий патетически и несколько иронически вопрошает: Къде соуть звѣздъ тѣхъ закони кже различы житью члкомъ оуставляща — греч. ποῦ αἱ τῶν ἀστροῦ ἐκείνων διακλοαί, αἱ τὰς διαφορὰς τοῦ βίου τοῖς ἀνθρώποις ἐρίζουσαι. Существительное *διακλοαί*, образованное от глагола *διαπλέω* «переплетать, сплетать», означает «сплетение, переплетение»; τῶν ἀστροῦ *διακλοαί* — это метафора, означающая судьбу человека. Сущ. *διακλοαί* хорошо выражает идею связи звезд с судьбой человека. Что же следует видеть в переводе *διακλοαί* словом *закони*? Возможно, что это неудачный перевод, когда *διακλοαί* было понято буквально, как «плетень», и передано словом *законъ* со значением «преграда, препятствие». Но может быть, что у слова *законъ* была и какая-то не известная нам семантика? Можно попытаться обнаружить ее, опираясь на замену слова *закони* словом *законъ* в КБ-1. Слово *законъ* образовано от *конъ* «предел, начало, конец» [2, I, с. 1270] и, следовательно, имеет в своей семантике примерно те же значения, что и *законъ*. Кроме того, слово *законъ* имеет еще значение «связь между предметами» [3, вып. 5, с. 218]. Известно, что один из семантических законов состоит в том, что если между словами устанавливается синонимия в прямом значении, то она устанавливается и в переносном; этот процесс обычно называют синонимической аналогией [9]. Значит, слово *законъ* могло быть синонимично слову *законъ* не только в значении «преграда, граница», но и в значении «связь между предметами». Тогда вариация *законъ* — *законъ* была по природе лексической, а перевод *διακλοαί* словом *законъ*.

вполне сообразным. Насколько вероятно это предположение, может показать лишь дальнейшее изучение контекстов употребления слова *запонъ*.

8. *Вълъзѣти*.

Среди значений слова *вълъзѣти*, приводимых в словарях, отсутствует переносное значение «очутиться, оказаться в каком-либо положении» [2, I, с. 385; 3, вып. 2, с. 224]. На возможность такого переноса указывает следующий текст из Изборника 1073 г.: тако же и въ кладѣзъ впадьшеи са не оудобъ въсходатъ·нѣ инѣхъ трѣбжють извлачащихъ· тако же и въ глоубиноу вълъзѣши грѣховьноуж (л. 48в). *Вълъзѣти въ глоубиноу грѣховьноуж* означает «оказаться грешником, очутиться в положении грешника». В Тл. *вълъзѣши* заменено на *вспадиши*, у которого есть подобное переносное значение «очутиться в каком-л. положении, состоянии (обычно тяжелом или предосудительном)» [3, вып. 3, с. 80]. В результате синонимической аналогии это метафорическое значение развилось и у глагола *вълъзѣти*; если бы это было не так, то употребление *вълъзѣти* в приведенном контексте было бы невозможно.

9. О переносном значении слова *отповѣдати*.

Прямым значением слова *отповѣдати* было «ответить» (Картотека ДРС), «заявить» [2, II, с. 807]. Никаких переносных значений этого слова словари древнерусского языка не фиксируют. Современное слово *отповесть* «ответ, заключающий в себе строгое и неодобрительное возражение, выговор» [5, II, с. 966] образовано от несохранившегося глагола *отповѣдати*; оно синонимично слову *ответ*, у которого зафиксировано переносное значение «противодействовать чему-н.» [5, II, с. 903]. Следовательно, и *отповесть* по синонимической аналогии может иметь такое же переносное значение. Было ли это значение известно в древнерусском языке? Судя по тому, что глаголом *отповѣдати* в Ег. был заменен глагол *отъбарати* «противодействовать, противиться» [2, II, с. 772], мы можем заключить, что это значение было известно: нѣ рать приѣмлюще·не ѡбараимъ (*ѡтповѣдаем* — Ег., л. 72об) имъ нѣ паче о себе пытаимъ (л. 70в-г) — греч. ἀλλὰ πολέμου·μενοι, μὴ ἀντιπολεμίζομεν; ἀντιπολεμῆω «вести ответную войну», «воевать против».

10. О переносном значении слова *приближати*.

Слово *приближати* в Изборнике 1073 г. употреблено в следующем контексте: Горе прикупажцима домъ къ домоу и село къ селоу приближающе (л. 78б) (греческий текст отсутствует). В «Материалах» И. И. Срезневского слово *приближати* отсутствует, в Картотеке ДРС оно представлено той же самой цитатой, что и у нас, но по другому источнику — Измарагду XIV—XV вв. (очевидно, цитата восходит к какому-то каноническому тексту). В списках Тл. и КБ-1 *приближати* заменено глаголом *притѣжати* «приобрести» (2, II, с. 1485; лучше — «приобретать»). Следовательно, в переносном значении *приближати* означало «приобретать», «присваивать», что соответствует содержанию цитаты.

11. *Ражьнъ*.

Ражьнъ (*рожьнъ*) имело значения «рожон, кол» [2, III, с. 19], «рогатина, острога», «вилка», «гвоздь» [2, III, с. 145]. Однако ни одно из значений не подходит к тому употреблению слова *ражьнъ*, которое мы находим в Изборнике 1073 г.: Дастъ ми са ражьнъ плѣти·англъ сотонинъ·да ма моучитъ тако да не възвышажа са (л. 110б); греческий текст отсутствует. Этой цитатой Срезневский проиллюстрировал значение слова *ражьнъ*, которое помечил знаком вопроса, видимо, потому, что *ражьнъ* употребляется не в прямом, а каком-то переносном смысле. В самом тексте помещается разъяснение этого значения: *рожьнъ·англъ сотонинъ* (т. е. ору-

дые действия становится субъектом действия). На то, что такой перенос возможен, указывает, в частности, история существительных, образованных от глагола *стрѣкати* «колоть», «жалить» [2, III, с. 567]. *Стрѣкало* означает «бодец, стрекало, орудие пытки» [2, III, с. 567]; *стрѣкатель* — «острие, оружие» [2, III, с. 567], а *пострѣкатель* уже значит «мучитель, истязатель» [2, II, с. 1268]. Поскольку слова *ражънѣ* и *стрѣкатель*, *пострѣкатель* являются синонимами в прямом значении, то по действию синонимической аналогии у слова *ражънѣ* могло развиться переносное значение «мучитель, истязатель». На то, что у *ражънѣ* действительно было это значение, указывает само его употребление (с соответствующим пояснением) в Изборнике 1073 г. и, во-вторых, его замена в Ег., где на его место поставлено слово *пострѣкатель*: Дасть ми сѧ ражънѣ (*пострѣкатель* — Ег. л. 105об) плѣти·англь сотонинѣ·да ма моучить...

12. Развратити.

Все известные значения слова *развратити* — «разрушить», «отклонить», «совратить», «извратить», «испортить» [2, III, с. 25] не соответствуют тому употреблению слова, которое мы находим в Изборнике 1073 г.: чьто ли Гоуде... оудавлениемъ житие си развративъшиж (л. 38в) — греч... ὄστερον δὲ ἀγγύνης τὸν βίον κατασφραζόμενος. Среди значений *κατασφραζόμενος* было значение «кончать свою жизнь», «погибать». Медиальный залог греческого причастия передан местоимением *си*; все выражение *си развративъшиж* представляет собой кальку греческого причастия *κατασφραζόμενος* со специфическим значением «погубить». На наличие этого значения у славянского слова указывает и замена *развратити* на *погубити* в том же самом контексте в Тл. (л. 39об).

13. Съмацати.

Определить прямое значение этого слова не составляет труда: образованное от общеслав. корня **maz-*, это слово имело значение «смазывать», «покрывать чем-л.». В этом значении слово употребляется и в Изборнике 1073 г.: и паки съ каломъ съмацаеши оуста (л. 53а), т. е. «вновь ты покрываешь уста нечистотами» Непясным остается здесь смысл употребления предлога *съ*. Далее, писец Ег. в этом же контексте заменил *съмацаеши* на *съмѣшаеши*, а писец Рм. — на *съмоуцаеши*. Очевидно, что писцы ошиблись, поскольку употребление *съмоуцати* и *съмѣшати* в данном контексте совершенно неоправданно. Но, с другой стороны, не говорят ли эти ошибки о том, что все три названные глагола были синонимами, но такими, различия которых в данном контексте не нейтрализуются (как это, например, случается с синонимами *коричневый* — *гнедой* в словосочетании *гнедой карандаш)? Это предположение усиливает обратная замена *съмоуцати* на *съмацати* в тексте: похоть же часто съмоуцаема (*съмацаема* — Рм., л. 43) (л. 58б) Каким же образом у *съмацати* могло появиться значение «смешивать» (значения «смуцать», «волновать» можно объяснить из последнего как просгой перенос)? Решающую роль, по-видимому, здесь сыграл греческий язык. Предложению: и паки съ каломъ съмацаеши оуста соответствует греч. καὶ πάλιν φόρως βορβορὸ τὸ στόμα. Глаголом *съмацати* переведено слово *φόρω*. Это слово имело значение «смешивать, месить», и тогда его переводили глаголом *мѣшати*; кроме того, *φόρω* имело еще значение «смачивать», «осыпать» «покрывать», и в этом случае его переводят глаголом *съмацати*. Именно потому, что оба слова — *съмѣшати* и *съмацати* — использовались для перевода одного греческого глагола *φόρω*, они стали восприниматься как синонимами с общим значением «мешать, смешивать». Но поскольку синонимами были слова *съмѣшати* и *съмоуцати* в значении «волновать, возбуждать», «приводить в смущение», то по действию синонимической аналогии эти же значения могли появиться и у глагола *съмацати*. Иначе трудно объяснить замену *съмоуцати* на *съмацати* в тексте похоть же часто съмоуцаема (*съмацаема*) — греч. ὁ δὲ θυμός σουχῶς ταρασσόμενος. Глагол *ταρᾶσσω* имел и прямое зна-

чение «мешать, смешивать», и переносное «волновать», «приводить в смущение».

Итак, можно предположить, что глагол *смазцати* имел значения: 1) «смазывать», «покрывать»; 2) «смешивать»; 3) «волновать», «приводить в смятение».

14. О возможном значении глагола *въмѣнити*.

Обычным для словарей значением слова *въмѣнити* является абстрактное «счесть, посчитать чем-л.» [3, вып. 2, с. 230]. Однако известно, что одной из языковых универсалий является развитие значений от конкретного к абстрактному, процесс метафоризации конкретных, прежде всего пространственных значений для выражения отвлеченных понятий. В последующем употреблении начальные конкретные значения могут забываться. Не исключено, что первоначальным значением корня **mei-* было «пространственное перемещение»¹. Направление и характер этого перемещения указывался приставкой: так, *заменить* первоначально, видимо, значило «изъять одно и вставить на его место другое», *отменить* — «изъять и оставить пустым», *применить* — «приложить одно к другому» и т. д. В таком случае *вменить* (*въмѣнити*) означало «вставить что-то во что-то». Именно в этом значении употребил слово *въмѣнити* писец Ег., когда заменил им слово *въмѣсити*: Се въ чисть источникъ гнои кто въмѣсивъ (*въменит* — Ег. л. 85об) вьсь и нечисть створить (л. 87а). Здесь *въмѣнити* явно означает «поместить, вставить, вложить». Ср. греч. εἰς πηγήν καθάρων ἕκρον τίς ἐμβάλλων πάσαν αὐτήν ἀκάθαρτον εἰργάσατο, где ἐμβάλλω значит «бросать, кидать во что-л.». С этой точки зрения заслуживают внимания устойчивые сочетания *въмѣнити во что-л.* и *въмѣнити ни во что*, в которых предлог *во* явно указывает на направление пространственного перемещения. Первое сочетание первоначально, видимо, значило «вставить что-то во что-то» > «дать место в чем-л. (иерархии, системе)» > «определить» > «посчитать за что-л., в качестве чего-л.» [3, вып. 2, с. 230]. Второе сочетание означало «не вставлять, не помещать ни во что» > «оставить без места» > «пренебречь чем-л., не посчитать за важное» [3, вып. 2, с. 230]. Ср. также современное прилагательное *вменяемый* (*невменяемый*), по происхождению являющееся страдательным причастием со значением «наполняемый»; в переносном смысле это слово стало обозначать разумного человека, который способен воспринимать то, что ему говорят; впоследствии это значение стало единственным.

Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что глагол *вменить* при своем широком значении «считать» обладает очень ограниченной сочетаемостью: *вменить в вину, обязанность*. Возможно, что это противоречие предопределено этимологическим значением, «этимологической памятью» слова: поскольку *обязанность* происходит от *вязать* [9, III, с. 112], то *вменить в обязанность* некогда значило как бы «поместить в обвязывающее»; аналогичная картина наблюдается и в словосочетании *вменить в вину*, если только *вина* происходит от *вить*, хотя многие этимологи с этим не согласны [6, I, с. 84; 9, I, с. 316].

15. *Любѣствовати*.

И. И. Срезневский это слово дает без перевода и иллюстрирует единственной цитатой из Изборника 1073 г.: Еже любити ба и ближньнаго и еже не любѣствовати. (л. 41) [2, II, с. 91], смысл которой не очень ясен. В [3, вып. 8, с. 340—341] это слово переведено как «любить» и проиллюстрировано двумя цитатами: приведенной выше цитатой из Изборника 1073 г. и из Орла росийского 1667 г. Симеона Полоцкого, в которой слово *любѣствовати* употреблено именно в значении «любить». Цитата же

¹ Ср.: М. Фасмер сближает русск. *мена* с лат. *communis* «общий», др.-в.-нем. *mein* «лживый, обманный», ирл. *moín, maín* «драгоценность» [10]. А. Львов рассматривает глагол *вменить* как родственный нем. *meinen* «полагать», «думать», «подразумевать» [41].

из Изборника 1073 г. была искажена Срезневским (пропуск словосочетания), укорочена и потеряла смысл; таким виде без проверки она была перенесена в [3] и даже еще более изменена (замена начального *еже* на *что*). Если же обратиться к тексту Изборника, то мы находим там следующее: Се рекоу по заповѣди еже любити ба и ближьнаго и любити врагы и еже не любьствовати и прокою еже прѣступающе осуждаемъса (л. 41в). Здесь смущает явно ошибочное *осуждаемъса*: за что же осуждаемся, если соблюдаем заповедь? Поэтому писец Ег. совершенно справедливо заменил *осуждаемъса* на *опривдаемса*. По смыслу заповеди христианину следует *любити* (бога, ближних и врагов), но не *любьствовати*; *любити* и *любьствовати* совершенно явно противопоставлены как два рода любви — религиозно-духовной и греховной плотской. Писец Ег. (кстати, старший современник Полоцкого) именно так это и понимал, поскольку заменил *любьствовати* на *любоудствовати*. Из этого можно заключить, что по крайней мере в XI в. слово *любьствовати* еще имело значение «прелюбодействовать, развратничать, распутничать» (ср. греч. ... τὸ ἀγαπᾶν τὸν θεόν καὶ τὸν πλησίον, τὸ ἀγαπᾶν τοῦ ἐχθροῦ, τὸ μὴ μοιχεύειν, καὶ τὰ λοιπά, где μοιχεύω значит «нарушать супружескую верность», «прелюбодействовать, развратничать»).

16. Плотъ.

Обычно значениями слова *плотъ* в древнерусском языке считаются «ограда, плетень», «плотина», «помост», «плот» [2, II, с. 969]. Однако, как это ни покажется нам сейчас странным, этим словом заменено слово *плеть*: Нѣсть паданія плети (плотоу) нѣ ли вѣпли въ стьгнахъ ихъ (л. 80а) (греческий текст отсутствует), причем заменено не в одном списке, а сразу в трех, относящихся к разным редакциям и группам — в Рм., Тл. и Ег. Поскольку к тому же *плеть* и *плотъ* являются словами родственными, восходящими к праслав. *plekti, то все это позволяет добавить к приведенным значениям слова *плотъ* еще и значение «плеть, бич».

17. Здравие.

Слово *здравие* имеет значение «здоровье» [3, вып. 5, с. 365]. Но в Изборнике 1073 г. это слово упогреблено в значении процесса, ведущего к здоровью, т. е. в значении «выздоровление, исцеление»: дньни четьрьдесати даеши на съдравие дши (л. 53б). В соответствии с этим значением в Ег. *здравие* заменено на *исцѣление* (л. 57). Ср. греч. ἡμέρας ἢ ἀπονεμεις τῆ ὕγια τῆς ψυχῆς, где ὕγια имеет значение «здоровье» и значение «исцеление, выздоровление».

18. Държати.

Рассматривая этимологию слова *dърž'ati, О. Н. Трубачев указывает на связь этого слова с «понятием силы, начала действия» [7, вып. 5, с. 231]. Эта связь предполагает, что субъектом действия при этом глаголе может быть только живое существо. Если же при глаголе *държати* появляется неодушевленный субъект действия, то в этом случае глагол употребляется метафорически. Так, в Рм. словом *държати* заменен глагол *оупражниати* «занимать (место)» [2, III, с. 1247]: приде плода ища на смокъве и не обрѣте и повелѣ посьщи ж да и мѣста не оупражниають (*държати* — Рм., л. 78) (л. 85в) — греч. ... καὶ κελύβοντι αὐτὴν ἐκκόπτεσθαι ἵνα μὲ καὶ τοῦ τόπου κατάργη ὁ γάρ πλοῦτος. В новозаветной традиции *κατάργῃω* имело значение «без пользы занимать место» Ясно, что если смоковное дерево *държати мѣсто*, то оно не владеет им, а занимает его. Однако значение «занимать (место)» у глагола *държати* не отмечено ни в [2], ни в [3] (ср. также польск. *dzierżyć* «арендовать», т. е. «временно занимать место»).

Выше мы старались показать, что лексико-синонимическая вариативность служит историку языка надежным инструментом изучения семантики слова. Но при всей своей эффективности, однако, этот метод достаточ-

по трудоемко. Из имеющихся в наличии десятков и даже сотен списков какого-либо памятника исследователь должен выбрать списки, характеризующиеся наибольшей лингвистической содержательностью, т. е. заключающие в себе наибольшее количество языковых отличий сравнительно с другими списками, а это в свою очередь требует предварительного текстологического изучения списков. Следует заметить, что пользоваться готовыми текстологическими выкладками историков и литературоведов нужно с большой осторожностью, поскольку эти специалисты исходят не из языковой, т. е. формальной содержательности, а из смыслового содержания, а они не всегда совпадают. Так, в нашем случае Тл. по всем признакам (кроме языковых) мало чем отличался от списков первой группы полной редакции. Однако в языковом отношении Тл. обладает едва ли не наибольшим количеством лексических особенностей.

При анализе конкретной вариации нельзя во всем доверяться писцам, считать, что им было виднее, когда они употребляли то или иное слово. Они могли ошибаться при употреблении или замене, но могли и исправить чужую ошибку. Поэтому вариация — не последняя инстанция, обладающая абсолютной доказательной силой, а лишь начало рассуждений. Лингвистический смысл вариации должен быть вскрыт на основе анализа контекста, семантики варьирующихся слов, их словообразовательной структуры, этимологии, потенциальных возможностей к метафоризации и т. д. Лишь после этого можно будет увидеть в вариации явление языка (а не текста) со всеми вытекающими отсюда последствиями для исторической лексикологии и лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880.
2. *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1903.
3. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—9. М., 1975—1982.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1978—1980.
5. Толковый словарь русского языка. По ред. Ушакова Д. Н. М., 1935—1940.
6. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. М., 1959.
7. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 5. М., 1978. -
8. *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 240—241.
9. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974, с. 225.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973.
11. *Львов А.* Заметки о словах.— РЯИИ, 1958, № 2.